

Глава 5. Когда цитра разбита, луна на ущербе и цветы облетают

Это был первый раз после перерождения, когда Сун Цяньцзи услышал это имя из чужих уст.

Шум ветра и дождя за стенами пещеры вдруг обратился в мелодию цитры. В памяти возник образ играющей на инструменте женщины. Она внезапно подняла глаза и одарила его мимолётной улыбкой.

В ту ночь, перед тем как отправиться к краю континента, чтобы спасти Древо, что подпирает Небеса, с помощью Источника Бессмертия, Мяо Янь попросила показать ей его меч.

Он не хотел отказывать своей будущей спутнице Дао и, медленно извлекая клинок из ножен, произнёс:

— Осторожно, не поранься.

Лунный свет проникал в окно, отражаясь в длинном клинке, словно осенняя вода. Зал наполнился холодным сиянием.

Мяо Янь приняла меч обеими руками и, бережно держа его, улыбнулась, так что на щеках показались ямочки:

— Одинокий Свет... Воистину необыкновенный меч... Ай!

Леденящая аура меча вырвалась наружу, оцарапав её нежные пальцы. Алая капля крови упала на белый нефритовый пол, распустившись, словно красный цветок сливы на снегу.

В тот же миг раздался пронзительный звон клинка.

Мир перед глазами исказился.

Полыхало пламя, в небо поднимался дым, кружили стервятники.

Из кровавого побоища, опустив меч остриём к земле, вышел человек. Он был весь в крови, а широкие рукава его одежд развевались на ветру.

Мяо Янь пыталась разглядеть его лицо, но кровавый ветер и дождь хлестали её по щекам, заставляя зажмуриться.

— Осторожно, — раздался голос Сун Цяньцзи.

Не успел он договорить, как рана на её пальце затянулась, и видение исчезло. Она снова была в небесном дворце, наслаждаясь прохладным вечерним ветром и лунным светом.

Наконец она смогла разглядеть лицо человека из видения. Благородные черты, утончённая красота.

Это был Сун Цяньцзи, стоявший совсем близко. В своём белоснежном парчовом одеянии, с иссиня-чёрными волосами, ниспадающими, словно облака, он походил на отражение луны в тихой воде.

Мяо Янь передёрнуло. Ей показалось, что его истинное лицо — то, что было в видении, с мечом в руках, идущее по морю крови.

Сколько же могущественных заклинателей должен был сразить этот меч, чтобы источать такую ужасающую духовную мощь и вызывать столь реалистичные видения.

— Какой грозный меч. Прямо как ты, — улыбнулась она.

— Когда это я был с тобой грозен? — с ноткой обиды в голосе спросил Сун Цяньцзи.

— Когда ты сражаешься с другими, я, даже просто наблюдая, боюсь.

— Когда мы станем мужем и женой, наши судьбы будут связаны, — спокойно ответил Сун Цяньцзи. — И в мире не останется ничего, чего бы тебе стоило бояться.

Лишь тот, кто достиг вершины, мог говорить с такой уверенностью.

И он не бросал слов на ветер.

Но Мяо Янь этого было мало. В её глазах, подобных осенним водам, отразился холодный блеск меча, и они тоже стали холодными.

— И этого меча тоже?

— Одинокий Свет, каким бы грозным он ни был, — это мой меч, — кивнул Сун Цяньцзи. Он неуклюже и непривычно попытался успокоить свою будущую спутницу. — Не бойся.

Красавица нахмурила свои изящные брови.

— Наша помолвка была такой поспешной, — с тоской произнесла она. — Я так мало о тебе знаю и боюсь, что не смогу во всём тебе угодить. Если однажды я совершу ошибку, ты убьёшь

меня этим мечом?

Сун Цяньцзи не мог её понять.

— Даже если ты ошибёшься, я, как твой спутник Дао, должен взять вину на себя. Как я могу поднять на тебя руку?

Эти слова, казалось, задели её за живое. Она резко вскинула голову, и из её глаз хлынули слёзы. Голос её дрожал, как натянутая до предела струна цитры.

— А если я совершу ужасную, непростительную ошибку? Если я предам тебя, обману, причиню тебе вред? Ты и тогда не поднимешь на меня меч?

«Отвечай!» — беззвучно кричала она в своём сердце.

«Отвечай так, как ты отвечаешь своим заклятым врагам, которые, где бы они ни скрывались, в конце концов погибают от твоего меча. Не говори о любви, о долге. Ты — Непобедимый в ста битвах Сун Цяньцзи. Ты женишься на мне лишь из-за моей красоты и чтобы продемонстрировать свою власть. Откуда в тебе может быть хоть капля искренности? Зачем ты притворяешься? Покажи своё истинное лицо!»

Сун Цяньцзи молча смотрел на неё, затем осторожно разжал её нежные пальцы и забрал Одинокий Свет.

Длинный меч со звоном вернулся в ножны.

Мяо Янь внезапно пришла в себя, вытерла слёзы и выдавила улыбку.

— Прости, я была невежлива.

Но тут она услышала вздох Сун Цяньцзи.

— Я не убью тебя. Мне будет просто... больно.

Какая нелепость.

Только слабые и беспомощные могут чувствовать боль. Сун Цяньцзи был сильнейшим воином своего времени. Кроме божественного меча, у него были сотни других способностей и тысячи техник.

Но он дал клятву:

— Одинокий Свет никогда не будет обращён против тебя.

Мяо Янь замерла.

Спустя долгое время она снова улыбнулась.

— Я сыграю тебе ещё одну мелодию.

Сун Цяньцзи не помнил названия той мелодии, лишь то, что она была нежной и ласковой, как этот весенний дождь, что вот-вот прекратится.

Внезапно — семь струн цитры лопнули, луна пошла на ущерб, и цветы облетели.

Пронзительные звуки пипы резали слух, словно лязг оружия и топот коней в засаде.

Та женщина, с пипой в руках, с развевающимися на ветру лентами, стояла посреди снежной бури и, горько плача, говорила:

— Цяньцзи, прости.

«Прости, прости, прости»

«Да за что „прости“? — подумал Сун Цяньцзи. — Я что, должен тебе десять миллионов духовных камней, что ты мне такую яму роешь? Чем я тебя обидел?»

Он посмотрел на Мэн Хэцзэ, который с восторгом бормотал «жениться нужно на такой, как фея Мяо Янь», и от его глупого вида у Сун Цяньцзи свело зубы и занял желудок.

— Глупый пёс. Собачьи мозги не способны противостоять уловкам красавиц. Вместо того чтобы заводить жену, лучше бы шёл картошку сажать!

Мэн Хэцзэ не расслышал и тут же подскочил к нему, опустившись на колени:

— Старший брат, что случилось? Рана болит? Пить или есть хочешь? Холодно? Может, нога затекла, пока сидел? Давай я тебе её разомну...

Пляшущее пламя костра осветило встревоженное лицо юноши.

Сун Цяньцзи вдруг почувствовал, что злость уходит, и тихо рассмеялся.

За стенами пещеры занимался рассвет. Весенний дождь почти прекратился, и тысячи гор зазеленели.

«Молодость... как же хороша молодость», — подумал он.

— Что значит «никого нет»? Им двоим, одному четырнадцать, другому пятнадцать, на двоих и то уровня не наберётся, чтобы с вами тягаться. У них что, крылья выросли?

Лицо Чжао Юйпина было мрачным. В зале стояла группа дьяконов, дрожа от страха.

Дьякон Ли, обычно державшийся рядом с ним, выступил вперёд и, собравшись с духом, объяснил:

— Возможно, у них есть артефакты, скрывающие ауру. Утёс Разрушенной Горы подавляет духовную энергию, и некоторые наши методы поиска там не работают.

Чжао Юйпин ещё больше уверился в том, что за спиной Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ кто-то стоит. Иначе откуда у простых учеников внешней школы такие способности?

— Великая защитная формация школы не была потревожена. Значит, эти два кролика всё ещё в пределах Хуавэй. Раз они не собирались бежать, то рано или поздно вернуться. И вот тогда я заставлю их умереть так, чтобы всё было ясно и понятно! — Он с трудом подавил гнев и потёр виски. — Быстро сообщи Цзихэну, чтобы он не появлялся до тех пор, пока Сун и Мэн не объявятся! Если что-то случится, его это не замарает.

Об их с Чжао Цзихэном родстве ученики внешней школы не знали, но его доверенные дьяконы были в курсе.

Один из них, стоявший в конце, тут же откликнулся и бросился выполнять поручение.

В этот момент раздался удар колокола.

Утренний звон всполошил птиц в долине, и они тучей взмыли в небо.

Дьяконы, словно стая напуганных птиц, уставились на Чжао Юйпина:

— Время пришло!

— Что теперь делать? Отложим отбор?

Чжао Юйпин поправил одежду и напустил на себя добродушный вид:

— На площадь.

Эта ночь пролетела слишком быстро.

Едва утренний колокол пробил трижды, на площади внешней школы Хуавэй собрались тысячи учеников. Площадь кипела, наполненная шумом и гамом.

Ради ежегодного отбора многие ученики пришли сюда ещё до рассвета, пережидая дождь.

Толпа подростков, ещё не обретших выдержки и самообладания, напоминала выводок цыплят, непрерывно щебечущих.

— Кто-нибудь видел сегодня старшего брата Мэн Хэцзэ? Я его нигде не могу найти, даже завтрак ему принёс.

— Старшего брата Чжао Цзихэна тоже нет. Неужели опять вчера с горы спускался выпить и перебрал?

— Эй, этого «Сун Ло», кажется, тоже нет.

— «Сун Ло» мечтает попасть во внутреннюю школу. Если в этом году опять провалится, станет «Сун Саньло»! Ха-ха-ха!

Смех прокатился по площади. Всего три слова, а принесли радость тысячам людей.

Сун Цяньцзи и впрямь был знаменитостью во внешней школе, но слава его была дурной. Его прозвище было Сун Ло — «Сун-Неудачник».

Говорили, что когда он только прибыл в школу, одна из личных учениц, прельстившись его красотой, хотела взять его к себе в услужение, заключив пожизненный контракт. Но он отказался, заявив, что не желает всю жизнь быть чьим-то рабом и хочет пробиться во внутреннюю школу своими силами.

Но рассчитывать в совершенствовании лишь на свои силы было, очевидно, пустой мечтой.

В первый год он навлёк на себя гнев дьякона, собиравшего поборы, и не смог купить хорошую технику, в итоге — провалился.

Во второй год его обманом лишили всех сбережений, и на покупку техники не осталось

духовных камней, итог — снова провал.

Шёл уже третий год. Сун Цяньцзи наконец-то смог купить приличный трактат по искусству меча и больше не должен был практиковать азы.

Любопытные ученики даже составили список из трёх главных претендентов: «Сун, Мэн, Чжао». Но, к удивлению всех, все трое сегодня опоздали.

Если говорить о репутации, то Мэн Хэцзэ был честным и отзывчивым, всегда готовым прийти на помощь.

Многие менее одарённые ученики именно благодаря его бескорыстным советам смогли войти на ступень переработки ци, поэтому он пользовался наибольшим авторитетом и поддержкой.

Если говорить о богатстве, то Чжао Цзихэн был щедр и, по слухам, имел какие-то связи. Он был близок к дьяконам, и его никогда не заставляли выполнять грязную работу. Свободное время он либо посвящал изучению продвинутых техник, либо в компании друзей спускался в город в дома утех, угощая всех выпивкой.

На их фоне Сун Цяньцзи выглядел бедным и нелюдимым.

Он был одержим тренировками с мечом, забывая о еде и сне, отчего все остальные казались лентяями.

Он был одиночкой, без друзей, и какой бы выдающейся ни была его сила, другим это не приносило никакой пользы.

Многие его недолюбливали, но поскольку его уровень совершенствования был на голову выше остальных учеников внешней школы, мелкие козни ему не вредили. Оставалось лишь искренне желать ему провалиться ещё на год.

<http://bllate.org/book/16982/1581462>